

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ОФИЦЕРСКИМ КОРПУСОМ ФЛОТА В К. XVIII – НАЧ. XIX ВВ.

Е.М.ЛУПАНОВА

Ключевая фраза Морского устава 1720 г., определяющая должность офицера, следует сразу после вступительной части этого документа: «Как адмирал, так и прочие вышние и нижние офицеры, должны охранять со всяким тщанием и ревностию интерес своего Государя и Государства, где ни будут обретаться со врученною им командою, во всяких случаях». Далее находим более детальное описание обязанностей офицеров каждого чина. Обобщая, можно сказать, что главным требованием Морского устава к офицеру является неукоснительное исполнение полученных предписаний, организация деятельности подчиненных и контроль над ними¹. На протяжении XVIII в. точка зрения правительства на офицера как на человека, чьи действия всецело направлены на реализацию принятых государем решений, не претерпели изменений. Рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений командного состава военно-морского флота с вышестоящими структурами.

На практике исполнение целого ряда пунктов Морского устава и последующих постановлений оставляло желать лучшего. Екатерина II относилась к этому факту снисходительно, считая приоритетным успех флота в военных кампаниях. «Обратной стороной медали» блестящих морских побед были многочисленные злоупотребления – хозяйственно-административные и дисциплинарные. Ф.Ф.Веселаго следующим образом описывает сложившуюся ситуацию: «главный сотрудник Екатерины, по части морской деятельности, граф И.Г.Чернышев был человек усердный, умный, сердечно относящийся к делу начальник, но, вместе с тем, и уклончивый придворный, не обладавший особенным гражданским мужеством, и избегающий огорчать государыню неприглядными картинами печального положения портовых и адмиралтейских магазинов или перечнем не порядков морской администрации. Подчиненные Чернышеву начальники отдельных частей, в большинстве своем действовали по той же системе, и со своей стороны по возможности прикрывали таившееся зло»². Добавим к тому, что последние не просто молчали о существующих недостатках, но и активно использовали их в собственных интересах. В таких условиях ужесточение правительственного курса, направленного против различных злоупотреблений, становилось неизбежным. Толчком к переходу от молчаливого попустительства к целенаправленной политике «наведения порядка» в морском ведомстве стала смена императоров на российском престоле. С Павлом I приходят новые люди с «гатчинскими» представлениями о позитивном и негативном. Им предстояла реализация идей нового императора, подготовка законов, борьба за неукоснительное выполнение предписаний. В Морском ведомстве стремительную карьеру в этот период сделали граф Г.Г.Кушелев и А.С.Шишков,

однако обычно историк из-за отсутствия подготовительных материалов не имеет возможности с достаточной степенью уверенности говорить об авторстве того или иного документа. Впрочем, эта проблема является общей при изучении России последних лет XVIII в. Больше надежд следует связывать с установлением истоков законодательства начала XIX в. На данный момент приходится ограничиться именами ближайших сподвижников Александра I по морскому ведомству — П.В. Чичагова и И.И. де Траверсе.

В конце XVIII в. начинается усиленная борьба за ограничение свободы передвижений и отпусков офицеров, неупотребление труда подчиненных в личных целях, ношение мундира. Все эти правительственные начинания наталкиваются на сопротивление моряков. До павловского царствования все они пользовались относительно широкой свободой передвижения. Отлучка из Кронштадта в Санкт-Петербург была делом вполне обычным, не требовавшим специального разрешения вышестоящих чинов. Запоздалая явка из отпуска почиталась также распространенным явлением и не влекла за собой серьезных последствий. В декабре 1796 г. император издал указ «чтобы флагманы и капитаны равно и офицеры от своих команд не отлучались и не ездили из Кронштадта в Петербург, а из Петербурга в Кронштадт, равно и в другие порты, не испросив дозволения»³. 1797 г. отмечен появлением двух редких в прежнее время видов документов за высочайшим подписанием — отпусков (в том числе позволений отлучиться на несколько дней из Кронштадта в Петербург) и приговоров о наказании не явившихся во время из отпусков офицеров. Со смертью Павла I они не исчезают, что свидетельствует о продолжении курса. На ужесточение дисциплины офицеры дают своеобразный ответ. Общей практикой становится продление отпусков через официальные прошения, в которых служащие чаще всего мотивировали необходимость увеличения срока «приключившейся болезнью». Вследствие этого явления сокращались возможности предоставления отпусков их сослуживцам, ожидавшим своей очереди. На рубеже веков было издано постановление об аресте за просрочку явки из отпусков. Некоторое время его положения реализовывались Адмиралтейств-коллегией; но вскоре о нем предпочли «забыть». В 1810 г. император повторяет свою волю двумя указами «дабы офицеры по прошествии сроков непременно являлись к своим командам и отсрочек не просили» (7 апреля и 27 октября)⁴. При подаче просьбы об отсрочке по «болезням или чрезвычайным случаям» они теперь должны были предоставлять «свидетельствы». Просрочка явки из отпуска каралась арестом и вычетом жалования. Сведений о реализации этих постановлений после их издания не обнаружено, что говорит об ослаблении борьбы с подобными нарушениями дисциплины.

В качестве второй «арены борьбы офицеров за свои права» следует назвать использование труда подчиненных в личных целях. За период с 1796 по 1802 гг. было издано не менее четырех указов, запрещающих злоупотребления данного типа. Причем каждый раз очередные правительственные мероприятия по борьбе с этим явлением наталкивались на сопротивление офицерского

корпуса как единой корпорации. Многочисленные выговоры Павла I не возымели должного действия. В 1802 г. Адмиралтейств-коллегия встала на сторону командного состава. Внимание правительства к вопросу об употреблении «казенных служителей в партикулярные услуги офицеров» было привлечено в ходе следствия о самоубийстве капитан-лейтенанта Бонга, в результате которого стало известно, что у покойного, в соответствии с распоряжением его непосредственного начальника и вопреки всем законодательным актам, был матрос «вместо денщика». Рассматривая казус, члены Адмиралтейств-коллегии обратились к императору с просьбой оставить все как есть до «дабы состоящая в ведомстве ея чиновники, имеющие право на получение денщиков, коих до рекрутского набора определить неоткуда, не претерпевали самой крайней нужды, исправляя работы неприличные афицерскому чину и оставаясь без всякаго призрения в болезни»⁵. Царь шел на уступки, преследования прекращались, не начавшись, все оставалось, в целом, по-прежнему. Привычная для тех времен ситуация характеризуется как нельзя более ярко жалобой лейтенанта Федора Ивановича, героя воспоминаний В.И.Даля: «доведется пробыть лето на берегу — пяти человек нельзя выслать на покос, людей нет, все у командира на ординарцах»⁶.

Русские императоры, как известно, равнодушные к блеску военных парадов, настаивали на четком соблюдении предписаний, касавшихся формы служащих в армии и флоте. Но эти предписания были не в силах повлиять на порядок, привычный на море. Как в екатерининское время, «никому не казалось странным, что контр-адмирал Палибин появляется на шканцах в шлафроке, розовом галстуке и в белом ночном колпаке»⁷, так и об одном из офицеров первой четверти XIX в. В.И.Даль писал: «Форма стесняла его до некоторой степени на берегу, но в море он управлялся с нею по-своему: я не помню его на вахте иначе, как в куртке с шитым воротником, то есть в мундире с отрезанными полами и в круглой шляпе с низкою тульей»⁸. Ему вторят записки П.Свиньина: «Первый шаг в кают-компанию нашу должен, полагаю я, поразить удивлением всякого, сколько разнообразием костюмов, не менее контрастами занятий и упражнений»⁹. Только на берегу могли возникнуть судебные дела о поручике Семенове, который был разжалован в канониры «за имение не по форме мундира»¹⁰, об аресте лейтенанта Дунилова и мичмана Урывкова за то же преступление¹¹. Все приведенные здесь в качестве примеров военно-судебные дела относятся к царствованию Александра I, и в данном контексте его следует признать продолжателем дела своего отца, а не «в Бозе почивающей августейшей бабки». Анализируемое в работе Д.Н.Копелева дело молодого офицера Г.Г.Энгельгарта свидетельствует о продолжении и усилении этой линии и в последующее царствование. Сей «великой шалун», который «вышел из своей квартиры, переоделся в деньщицье платье и ходил в оном по городу...», подвергся наказанию в судебном порядке, несмотря даже на то, что описанные действия были необходимы для спасения начальника¹².

Так, с переменным успехом, в к. XVIII — нач. XIX вв. шла борьба за повышение уровня дисциплины в русском флоте,

который на протяжении рассматриваемого периода постепенно переставал играть решающую роль во внешней политике, становился вспомогательной силой и приближался к периоду своего упадка.

ПО СТУПЕНЯМ
ФЛОТСКОЙ СЛУЖБЫ

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VI. № 3485. С. 2–116.

² *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. СПб., 1893. Вып. 1. С. 279.

³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1902. Ч. XVI. С. 23.

⁴ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 105 л. 285.; Д. 107. л. 37.

⁵ Там же. Д. 83. л. 69

⁶ *Даль В. И.* Два лейтенанта (очерк) // Морской сборник. 1857. №2. С. 213.

⁷ Доценко В. Д. История русского флота // Морской альманах. Вып. 2. СПб., 1993. С. 33.

⁸ *Даль В. И.* Два лейтенанта... С. 203.

⁹ *Свиньин П.* Воспоминания на флоте. Ч. 2. СПб., 1818. С. 114.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 77. л. 83; Д. 87. л. 7.

¹¹ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1410. л. 60.

¹² *Копелев Д. Н.* Офицеры немецкого происхождения на службе в Российском флоте (первая половина XIX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 141–143.